

У. Уилер

ЗЕРКАЛО
ЕЛЕНЬИ
ТРОЯНСКОЙ

У. Уилер

Зеркало Елены Троянской

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6243750

ADVENTURE PRESS;
ISBN 978-1-300-59729-2

Оригинал: W. Wheeler, "Mirror Helen of Troy"

Аннотация

Лондон, начало 1900-х. Молодой многообещающий египтолог Гай Флитгейл разыскивает внезапно исчезнувшего коллегу: доктора Купера. Безуспешные поиски приводят его в салон ясновидящей. Там он неожиданно получает приглашение на спиритический сеанс. Что связывает доктора Купера с предсказательницей, мадам Зулейкой? И почему в ночь после сеанса предсказательницу убили?

Содержание

Глава 1. Пропавший археолог	4
Глава 2. Явление Артура	19
Глава 3. «За столом Ивы»	32
Глава 4. Два письма Гаю Флитгейлу	48
Глава 5. Большой лорд и нервная вдова	61
Конец ознакомительного фрагмента.	72

У. Уилер

Зеркало Елены Троянской

Глава 1. Пропавший археолог

– Называйте меня Алоиз, – ласково и доверительно попросил молодой человек с безупречно прямым пробором.

Имя своё он произнес так бережно, будто оно было хрустальным, и от небрежного его произнесения с его владельцем могло случиться нечто непоправимое. Секретарь, назвавшийся Алоизом, пригласил посетителя в маленькую приёмную и приветливо указал на гнутый стул подле безукоризненно аккуратного стола.

– Сюда, сюда, будьте так любезны, здесь вам будет удобно!

– Э-э-э... – замялся посетитель, даже не зная, как обратиться к лощёному секретарю. – Любезнейший... я бы хотел видеть мисс... мадам...

– Ах-ах-ах, – запричитал Алоиз, – сейчас никак невозможно! У госпожи сейчас очень важный гость! После она уж никого не примет, – многозначительно сообщил молодой человек и любовно посмотрел на посетителя.

Посетитель, джентльмен лет тридцати с небольшим, приятной наружности, держался довольно скованно, что было

неудивительно в таких экстраординарных обстоятельствах. Подчиняясь вязкому гостеприимству Алоиза, он присел и положил на колено мягкую, слегка пыльную шляпу.

– Сейчас я посмотрю, когда вас смогут принять, – певуче выговаривал секретарь, сверяясь в маленькой, с золотым обрезом, книжице. – Знаете ли, скоро будет иметь место затмение Венеры, и это время вряд ли подойдёт для разрешения вашего вопроса. Но, кажется, до этого момента обстоятельства вполне благоприятствуют... Вот! Хотя бы завтра! Прекрасный, прекрасный день! Вы можете оставить свою карточку. Если, конечно, вы не пожелаете остаться инкогнито...

– Ну, отчего же инкогнито, – не слишком уверенно ответил молодой человек и полез во внутренний карман пиджака, – вот, прошу вас. Так, значит, завтра? В котором часу?

Алоиз бережно принял от посетителя визитную карточку и вновь справился в своей книжице:

– В двадцать две минуты первого пополудни будет прекрасное время!

Изумлённый столь точно условленным временем, посетитель неловко раскланялся и вышел. Проводив его, Алоиз торопливо поднялся на второй этаж, подошёл к двери справа от лестницы и деликатно постучал. Войдя в тёмный, роскошно обставленный салон, он обвёл взглядом восточную обстановку, а затем, заметив лёгкое колыхание перьев над спинкой отвёрнутого к окну кресла, обратился:

– Гай Флитгейл.

– Понятия не имею, – раздался утомлённый женский голос.

– Лондонское Королевское Азиатское Общество.

– Боже мой, боже... – с безнадёжным, но немного манерным отчаянием произнёс невидимый голос. Чёрное перо над креслом в стиле Людовика XV колыхнулось, от кресла отделился изящный силуэт, взметнулись за шею тонкие руки, звякнув тяжёлыми серебряными браслетами.

– Что ж, Флитгейл, так Флитгейл. Ступай, Алоиз, сегодня ты мне больше не нужен, – сообщила хозяйка уже другим, собранным и сухим голосом, проследила за закрывающейся дверью и подошла к китайской ширме у стены. Молодая женщина была одета во что-то шёлковое, вроде восточного халата, чёрное с неброским золотом. На изящной головке аккуратно сидел тюрбан с пером, плотно прилегавший к высоким скулам, обнимавший узкое лицо, словно птица двумя чёрными крыльями. Отодвинув створку ширмы с резвящимися китайчатами, женщина задумчиво провела пальцем по корешкам плотно стоящих книг на спрятанной за ней полке.

– Кембридж, Оксфорд, Королевское географическое общество, Лондонское Королевское Азиатское общество... Вот оно!

Выбрав один из фолиантов, хозяйка салона расположилась с ногами на козетке и некоторое время с интересом читала списки членов Азиатского общества.

Через полчаса из цветочной лавки на Глостер-плейс вы-

шла дурно одетая дамочка в круглых очках и нелепой шляпке, типичный синий чулок. В руках она держала бесформенный ридикюль. Подмышкой был знавший лучшие времена зонтик. Дамочка неуклюже вскочила в омнибус на Портман-сквер и направилась прямо в Британскую библиотеку. Там она выбрала несколько подшивок лондонских газет за прошлый год и стала внимательно изучать давнишние новости. Время от времени она делала время выписки огрызком карандаша на мятых листочках, которые доставала из ридикюля. Нашарив в глубинах кошёлки очередной неряшливый лист, она с изумлением разглядывала его со всех сторон, видимо, ища свободного места, потом прижимала ладошкой для достаточной ровности и начинала писать крупным, неряшливым почерком. Через пару часов увлечённой работы учёная дамочка запихнула все свои бумажки обратно, и с выражением крайнего удовлетворения на лице поднялась. Решительно поправив очки, она взялась за твёрдые коленкоровые переплёты, нагромождённые изрядной стопкой, и попробовала оторвать их от стола. Результат был предсказуем – стопка разъехалась, дамочка засуетилась, и к ней на помощь поспешил немолодой служитель библиотеки.

– Мисс Баркис, позвольте... Право, вам не следовало... Как ваши исследования? Что на этот раз?

– Сироты, сэр. Сироты! – с определённой гордостью отчеканила дамочка и воздела к куполу библиотеки сухой пальчик. – Мы не должны забывать о тех несчастных, которые

были лишены материнского благословения! Работные и воспитательные дома – рассадники преступности и гнёзда порока!

На дамочку зашикали читатели, она стушеввалась и, втянув голову в плечи, потеряла очки: Одна дужка отсутствовала и вместо неё за ухо тянулась засаленная ниточка, которая теперь выскользнула из-под шляпки. Мисс Баркис принялась ловить очки, кое-как справилась, криво водрузив на востроносое лицо, одновременно придерживая съехавшую шляпку, и извиняющимся шёпотом продолжила о сиротах, семена за библиотекарем, уносившим газеты с невозмутимым достоинством.

Выйдя из библиотеки, учёная дамочка вернулась в цветочный магазин и исчезла среди гортензий и ирисов, как некая нелепая цветочная фея.

* * *

На следующий день Гай Флитгейл явился в дом на Глостер-плейс ровно в двадцать минут первого.

– Прекрасно, прекрасно, мистер Флитгейл! Ещё целых две минуты, чтобы вы могли подняться в ателье! – обрадовался Алоиз, принимая у клиента лёгкое пальто и шляпу. – Прошу вас, наверх, сюда!

Флитгейл поднялся, чуть подгоняемый лёгкими толчками секретаря, и даже обернулся несколько раз в немалом изум-

лении, озадаченный такой назойливостью молодого человека. Тот же воспринял это совершенно на свой манер и начал ободряюще кивать.

Дверь перед джентльменом раскрылась, Алоиз словно растаял за его спиной, и посетитель вступил в полутёмную комнату. Здесь, в свете нескольких свечей, взгляд его не сразу стал различать очертания предметов. Приглушённым золотистым светом сияли ширмы вдоль стен; нарисованные на них птицы и цветы, казалось, слегка трепетали. Маленькие нарисованные человечки казались живыми и суетливо копошились среди островерхих пагод и беседок. Пахло чем-то сладким, душистым, горьковатым. Из аромата и золотого света вдруг появилась хозяйка, словно материализовалась из пустоты.

– Мистер Флитгейл, – не спросила, а констатировала она. – Зовите меня Ива.

Ива была необычайно стройна и как-то нервически утончённа. Однако, Гай Флитгейл не нашёл ничего inferнального или потустороннего ни в её лице – большеротом, худом и некрасивом, ни даже в глазах – миндалевидного разреза, тёмных, но вполне заурядных. Можно было даже сказать, что в глазах у Ивы светилась банальная светская скука. Она смерила визитёра снисходительным взглядом и пригласила присесть на козетку за ломберным столиком.

– Что же, мистер Флитгейл, вас привело ко мне? – спросила она, располагаясь на другом конце козетки, и расправ-

ляя вокруг себя чёрный шёлк балахона. Дама казалась совершенно поглощённой этим важным занятием, и Гай начал жалеть о своей затее.

– Я много слышал о ваших... э-э-э... способностях, мисс...

– Ива, – напомнила женщина, бросая на него недовольный взгляд.

– О, да, простите, мисс Ива.

– Так чего же вы хотите от меня? Впрочем, я могу предположить, – Ива слегка пожала плечами и помахала в воздухе узкой ладонью. – Нубийское золото?

– О! Прошу простить меня... я, конечно, весьма... заинтригован вашей осведомлённостью... Я, собственно, хотел спросить о другом.

– О чём же? – спросила Ива, изумлённо вскидывая тонкие брови.

– Дело в том... я бы хотел узнать о судьбе доктора Купера.

– Купера? Не вижу никакого Купера!

– Он умер? – быстро спросил Флитгейл, совершенно отбросив всякую стеснительность и подаваясь к прорицательнице в нетерпеливом движении.

– Умер? – переспросила Ива, будто пробуя на язык это слово. – Может быть. вы полагаете, он умер? У вас есть его фотографическая карточка, или что-нибудь, что принадлежало бы этому доктору Куперу? – поинтересовалась она.

– Прошу вас, у меня есть фотокарточка, правда, он на ней

не один, но, вероятно...

– Это не имеет значения, – перебила Ива и протянула руку. – Ну?

Гай Флитгейл немного поискал во внутреннем кармане и извлёк любительскую фотографию с сильно потрёпанными краями.

Фотография была сделана в Египте. На фоне блёклых пирамид, занимавших добрую половину снимка, и снулых верблюдов, словно нарочно заведённых в кадр, стояли вооружённые лопатами и кирками, трое: В одном Ива без труда узнала посетителя, вторым был арабский мальчик в оборванном платье, а третьим должен был быть доктор Купер. На фотографии он был при бороде и в широкополой шляпе, так что лица его было почти не видно.

Ива – медиум, прорицательница, ясновидящая – а именно так она была известна в мистически настроенном лондонском обществе, долго и пристально всматривалась в карточку, держа её на ладони, словно на чаше весов. Затем встала и прошлась по комнате, устремив за собой шёлковое облако. Не обращая никакого внимания на посетителя, она уселась в кресло, стоящее тяжёлой резной спинкой к комнате, и, уютно в нём совсем, погрузилась во что-то вроде медитации. Так прошло несколько минут.

– Хотите выпить? – неожиданно буднично раздалось из кресла, когда Гай уже заскучал.

– Выпить? Пожалуй, – ответил он, пытаясь со своего места

заглянуть за изгибы высокой спинки.

Ива встала. Проходя мимо, она небрежно кинула фотографию на ломберный столик и направилась к маленькому винному ящичку у самых дверей. Она довольно ловко извлекла оттуда графин, откупорила его и налила два старинных, толстостенных, тёмного стекла, рёмера. Подав бокал посетителю, она устроилась с ногами на козетке, напротив него, одной рукой подобрала платье, обнажив изысканно-тонкие щиколотки.

– Мистер Флитгейл, я могу заверить вас, что человек, изображенный на фотографии, жив и здоров. Но что касается доктора Купера, то его никогда не существовало в природе.

– То есть, что вы имеете в виду? Я работал с ним в экспедиции!

– Ах, бросьте, Флитгейл. Если вы назовётесь, к примеру, доктором Пупером или профессором Такером, то вы сами не перестанете существовать, не правда ли? – Ива отпила вина. – Конечно, он вынужден скрываться. Это всегда беспокойно и опасно. Но, с другой стороны, его финансовое положение на данный момент довольно благополучно. Хотя... Вероятно, он натворил нечто, что не позволит ему слишком долго наслаждаться благополучием.

– Но он жив? – растерянно переспросил Флитгейл.

– Как вы непонятливы! – изумилась, и даже рассердилась вдруг ясновидящая. – Жив, конечно! И неужто вас волнует

только это?

Флитгейл нахмурился, отвёл взгляд и стал с преувеличенным вниманием рассматривать китайчат на ширме. Ива саркастически усмехнулась:

– Как жаль, доктор Флитгейл! Но больше я ничего не могу сказать.

Гай Флитгейл поднялся, и в нерешительности стоял перед Ивой.

– Более ничего? Это всё?

– А вы хотели ещё чего-то? Я ответила на ваш вопрос. Я не отвечаю на незаданные вопросы, мистер Флитгейл, – ответила Ива строго, глядя на посетителя сквозь толстое стекло.

Взгляд её глаз, зазеленевших от стекла старинного бокала, был цепким и испытующим, и от него у Флитгейла по хребту пробежала волна холода.

– О, нет, вы ответили вполне... Просто это несколько неожиданно. И потом, я думал, что вы будете делать что-либо эдакое... а вы даже не смотрели карты или что там ещё...

– Голубчик, вы сюда пришли узнать о докторе Купере или фокусы смотреть? – насмешливо осведомилась мисс Ива. – Впрочем, если вам нужны фокусы – приходите. В четверг я буду устраивать спиритический сеанс у графа Бёрлингтона. Я вас приглашаю. Возьмите билет у Алоиза, скажите, что я распорядилась.

Когда Гай Флитгейл откланялся, прорицательница щёлкнула пальцами в досаде, вскочила с козетки, прошла по

комнате, слегка потирая острый подбородок и приговаривая: «Ах, как нехорошо! Как это дурно!». Выждав минут пять, она открыла дверь на лестницу и резко крикнула: «Алоиз!».

Секретарь тут же появился внизу лестницы.

– Посетитель ушёл?

– Да, госпожа.

– Пригласительный взял?

– О, да, госпожа.

– Прекрасно. Надеюсь, на сегодня – всё?

– Всё, всё, драгоценная госпожа, совершенно всё! – радостно сообщил секретарь.

– Тогда ты свободен. Свободен, Алоиз.

Вернувшись в комнату, Ива огляделась, словно впервые увидев своё ателье, и вслух произнесла: «Оно всегда начинается так. Именно так. Ах, как нехорошо!».

* * *

– Дорогой, чем мы займёмся сегодня вечером? – спросила Флоренс, весело и деловито прохаживаясь по небольшой гостиной на Дорси-лейн.

– Сегодня вечером я буду занят. В смысле – я приглашён на вечер, – ответил Гай Флитгейл из своего кресла.

– Вечер? Что за вечер? – удивлённо переспросила девушка.

– На спиритический сеанс, – с неохотой ответил Гай.

– Да?! – воскликнула Флоренс, удивлённо приподнимая брови. – И кто же тебя пригласил?

– Не уверен, что ты знаешь. Некая мисс Ива, она что-то вроде медиума, – с ещё большей неохотой ответил молодой человек, поднимая повыше свежий выпуск «Daily Telegraph».

– Боже мой, дорогой! Она же шарлатанка! Комедиантка и аферистка, все об этом знают! Зачем тебе это понадобилось, любовь моя? Это же смешно.

Фло была фраппирована. Она стала возбуждённо прохаживаться по комнате позади Флитгейла, теребя в руках перчатки. Её лоб собрался недовольными морщинками, а брови нахмурились.

– Дорогая, я всё знаю, не трать слов напрасно, – пробурчал Флитгейл из-за газеты. – В конце концов, у меня могут быть собственные причины, чтобы появиться там сегодня.

– Разумеется, дорогой, – Флоренс изменила тон на вкрадчиво-язвительный, – собственные причины! Твоё упрямство иногда бывает просто несносно. Ты никогда меня не слушаешь. Бегаешь по библиотекам, дерёшь горло на дискуссиях в Азиатском Обществе, пропадаешь в этих кошмарных экспедициях, а я? Пишу письма, читаю дурацкие отчёты Археологического общества и наслаждаюсь обществом этой зануды Люси Фарт!

Убедившись, что и язвительные упрёки не имеют никакого воздействия на упрямого жениха, отгородившегося от неё

газетой, девушка решила вновь сменить тактику.

– Ты знаешь, что Шлиман подарил своей Софи золото Прекрасной Елены? Ты видел её фото? Она изумительна! А я? Я только чихаю от твоих бесконечных книг.

Она подошла сзади к креслу и обняла молодого человека за шею.

– Твой Шлиман – шарлатан почище любой гадалки! Шарлатан и недоучка! – вспыхнул Гай.

– А-а, вот в чём всё дело! – засмеялась Флоренс, ласково вороша волосы на затылке своего вмиг помрачневшего жениха. – Ты просто ревнуешь, дорогой! Ревнуешь и завидуешь.

Она принялась тормошить его, задорно смеясь, словно находила в факте ревности к Шлиману что-то необычайно забавное.

– Я не хочу, чтобы ты шёл на этот дурацкий сеанс! – сказала она, когда поняла, что Гай не намерен отвечать на её заигрывания.

– Это будет неудобно. Я взял приглашение, и обещал быть там. Если хочешь, ты можешь пойти со мной.

– Ну уж нет. Во-первых, мы с Люси давно собирались сходить на «Идеального мужа», а во-вторых – там будут все эти надутые светские дамочки, а мне совершенно нечего надеть. Я пойду к Люси, а ты отправляйся смотреть этот балаган с загробными голосами.

Фло надула губки, нарочито равнодушно глянула в зерка-

ло, чтобы убедиться, что ей очень идёт эта очаровательная обида, и отошла к окну посмотреть на улицу и подождать раскаяния Гая Флитгейла.

Не дождавшись, она сочла благоразумным сделать вид, что не произошло ровным счётом ничего серьёзного, чмокнула жениха, бесцеремонно отодвинув газету, и выпорхнула из квартиры, чтобы успеть пройти по пассажиру до встречи с Люси и предстать перед ней в новой шляпке.

Признаться, сам Гай Флитгейл уже сто раз пожалел о том, что нанёс этот визит к прорицательнице, и ещё более – что взял пригласительный билет и обещал быть на спиритическом сеансе. То, что он узнал от мисс Ивы, никак не могло помочь ему, вернее – явно продемонстрировало, что помочь просто нечем. Даже с этим можно было смириться. Но ему казалось, что, обратившись к Иве, он сделал что-то неправильное и непоправимое, и теперь не в силах повернуть события вспять.

Флитгейлу было бы сложно объяснить Флоренс, что повело его на эту неожиданную авантюру со спиритическим сеансом. Может быть, это было желание всё же до конца удостовериться в худших предположениях по поводу доктора Купера. Или взгляд, брошенный сквозь стекло старинного рёмера. Гай и сам не мог ответить на этот вопрос. Но Флоренс не стала настаивать на объяснениях, и это было очень кстати.

Гай бесконечно ценил Флоренс за её чудную способность видеть вокруг только приятные и радостные вещи, быстро

забывать обиды и всегда излучать такую естественную жизнерадостность, которая выглядела бы детской, если бы не совершенно практический склад её ума. В последнее время Флоренс всё чаще напоминала ему о помолвке, которая оказалась по-старомодному долгой, и о недописанной монографии, которая позволила бы ему получить кафедру в каком-нибудь респектабельном университете. Но в остальном она была всё той же очаровательной Фло, какой была четыре года назад, когда они объявили о своей помолвке. Почти той же.

Тяжело вздохнув, Гай отправился в спальню, чтобы достать свой смокинг.

Глава 2. Явление Артура

Ива вошла в салон, где уже собралось десятка три гостей. Она была одета в чёрное просторное платье, совершенно закрытое, без всяких украшений и излишеств, резко выделявшееся среди салонного блеска. Её небольшую головку, как всегда, обнимал маленький чёрный тюрбан с пером цапли и Ива милостиво наклоняла это перо в сторону приветствовавших её гостей.

Её сопровождал несколько возбуждённый хозяин дома, граф Бёрлингтон собственной персоной. Позади них плавно скользил по паркету Алоиз, так туго затянутый в корсет, что с трудом дышал. Лицо у него было чуть встревоженное, взгляд внимательный и насторожённый. В обставленном по последнему слову моды салоне уже были собраны стулья для зрителей, устроен небольшой подиум с изящной оттоманкой и низким столиком. Уже собравшиеся гости занимали себя болтовнёй. В воздухе явственно ощущался острый дух нервного возбуждения и лёгкого страха, тщательно замаскированный чуть истеричной весёлостью. Голоса звучали чуть громче, чем обычно, смех раздавался немного резче принятого, дамы беспрестанно обмахивались веерами, а джентльмены держали по-особенному бравую осанку и много шутили.

Публика частью была хорошо знакома Иве. Баронесса Мальроу в сопровождении очередного юного Адониса. Несколько старых клиентов. Два-три незнакомых лица, приглашённых хозяином дома. Была бледная и говорливая дама в трауре, высокий пожилой господин, которого Ива видела иногда на светских приёмах, несколько кокаиnistского вида юношей и экзальтированных дам. Были и те, кого увидеть здесь Ива никак не ожидала. Живописная фигура, сидящая на софе под кадкой с пальмой, привлекла её внимание.

– Что она здесь делает? – Ива остановилась и едва заметным кивком показала на эту колоритную особу, занявшую собой и своей небольшой свитой целый угол салона.

Мадмуазель Зулейка была дамой, статью лишь немного уступающей Генриху VIII; одета она была в какой-то невероятный маскарадный костюм: Из восточных шаровар и бархатного корсета щедро выпирали обильные телеса. Одевание было усыпано фальшивыми драгоценностями, блестящими как ярмарочные леденцы. Над головой у дамы колыхался многоцветный плюмаж, а в руке она держала веер размером с доброе султанское опахало. Словом, всё в Зулейке было изобильно и монументально.

Громким головом и немного вздорным тоном она не то возмущалась, не то объясняла что-то несколькими заинтригованным гостям. Рядом с ней на диване сидела худосочная дама в чепце, преданно глядевшая ей в рот, и кивавшая каждому слову восточной дивы.

– Ах, умоляю вас простить меня, мисс Ива... У неё было приглашение, я не нашёл возможным отказать ей, – смущённо пробормотал Бёрлингтон.

– Приглашение? Интересно, кто бы мог прислать ей приглашение?

Ива чуть повела плечами, выражая крайнее недоумение, и сдержанно поприветствовала роскошный сераль мадмуазель Зулейки. В ответ роскошная дама всколыхнула перьями плюмажа и затараторила с новой силой.

Граф Бёрлингтон принялся клясться и божиться, что ему бы и в голову не пришло; что это, вероятно, кто-то из членов Хэмпстедского клуба, имея привилегированное количество приглашений, имел неосмотрительность... Но Ива уже не слушала его, направляясь к подиуму.

У неё не было оснований опасаться этой особы. Зулейка занимала в магическом промысле собственную нишу, и клиентура двух провидиц никогда не пересекалась. Более того, Ива слишком хорошо знала о прошлом Зулейки, чтобы относиться к ней всерьёз. И, конечно, она не могла не относиться к ней с изрядной долей сочувствия.

Весь антураж, которым окружала себя магесса, происходил, несомненно, из её циркового прошлого. Свою карьеру чревоуещательницы, гадалки и колдуньи Зулейка начинала в одном из лондонских передвижных цирков, где её семья развлекала самую непритязательную публику.

Зулейка (тогда она носила другое имя) начинала свою ар-

тистическую карьеру как наездница и акробатка, и тогда, юная и изящная, весьма способствовала процветанию семейного дела. Но во время одного из представлений лошадь под ней понесла, испугавшись хлопка шутихи. Зулейка упала прямо под ноги взбесившемуся животному, и под истерические вопли публики лошадь опустила копыта прямо на спину наездницы. После этого несчастного случая ей уже не пришлось вернуться к старому ремеслу. Но дядя Зулейки, хозяин цирка, нашёл калеке-племяннице новое применение. Её нарядили одалиской, посадили в цветастый шатёр, обучили несложным карточным фокусам и стали вовсю рекламировать «Чудо-Зулейку, знающую прошлое, прозревающую будущее, за скромное вознаграждение производящую магические действия».

Когда же цирк прогорел и дядя попал в долговую яму, а родственники рассыпались по лондонскому дну, Зулейка, казалось, пропала из виду лондонской публики. Однако через некоторое время в "Times" появилось немногословное объявление в затейливой виньетке с арабесками: «Колдунья Зулейка. Знаю прошлое, прозреваю будущее, за скромное вознаграждение произвожу магические действия». Карьера Зулейки пошла в гору. Обманутые жёны, обчищенные лавочники, родственники в ожидании наследства и просто любители острых ощущений стали её постоянной клиентурой. Зулейка обзавелась чучелом крокодила, магическим кристаллом, поселилась в небольшой квартире на Панчер-сквер,

и стала широко известна в определённых кругах. Определённых. Вот почему появление Зулейки у графа Бёрлингтона и было столь неожиданным.

Ива расположилась на оттоманке, рассматривая публику; гости заняли места на стульях, диванах и креслах, расставленных амфитеатром. Роль конферансье исполнял Алоиз. В качестве аперитива было предложено передавать мисс Иве записки с вопросами. Записки были подписаны вымышленными именами или монограммами так, чтобы сохранялась иллюзия полной тайны корреспондента, хотя общество без особого труда узнавало авторов записок по их содержанию. Полулёжа на оттоманке посреди салона, Ива принимала от Алоиза бумажки, бегло просматривала их, раскладывала перед собой на низком столике в одной ей известном порядке, а затем называла тот или иной псевдоним и давала ответ.

– На вопрос Пьеро, – объявляла Ива. – Вам не стоит играть на скачках, ни сейчас, ни впредь... Вам вообще стоит опасаться лошадей, если вы дорожите своей жизнью.

– На вопрос У.М. Ваш роман не продлится более трёх месяцев, и вы будете на грани разорения, если не решитесь разорвать эти отношения раньше.

– На вопрос Орхидеи – ваше замужество будет несчастливим, но, к счастью, недолгим. Вы унаследуете состояние, которое вполне вас утешит.

Слышны были вскрики дам, сдержанные вздохи мужчин, снисходительное фырканье из сераля мадмуазель Зулейки и

тревожное шиканье хозяина вечера. Наконец, когда публика была уже приведена в необходимую ажитацию, прорицательница сообщила, обращаясь к Алоизу:

– Довольно. Пусть несут стол.

Тут же произошла необыкновенная суэта: Граф стал давать распоряжения, слуги начали закрывать плотные гардины на окнах так, чтобы тусклый вечерний свет не проникал в салон, низкий столик заменили высоким круглым; к нему приставили несколько кресел. В залу внесли и поставили на столик прорицательницы единственную свечу в простом подсвечнике.

Свет погасили, и в салоне воцарилась хрупкая, тревожная темнота.

Ива сидела теперь в кресле, слегка напоминающем средневековый трон с высокой стрельчатой спинкой, а перед ней на столе лежал искусно написанный на круглом картоне алфавит. В центре круга были изображены солнце и луна, знаки стихий и планет, и, судя по состоянию, эта таблица служила прорицательнице верой и правдой. Золотой лик солнца почти стёрся со старой бумаги, отдельные буквы были едва видны, края бумаги сильно истрепались и пожелтели. На таблице лежал костяной астрагал, отполированный прикосновением рук и временем. Ива погладила тонкой рукой тёплую, шершавую бумагу и обвела присутствующих равнодушным взглядом.

– Духи сегодня благоволят. С кем бы вы желали сегодня

войти в контакт, господа?

Тут же из разных углов салона раздались выкрики: «Александра Македонского!», «Великого Цезаря!», «Лорда Байрона!», «Рамсеса!».

– О, силы небесные, кому нужен этот сухой сморчок, – явственно послышался язвительный голос Зулейки.

– Нострадамуса! Уильяма Лили! Короля Артура!

– Ну что же, пусть будет Артур, – покладисто ответила Ива, пряча усмешку в углах рта. – Мне нужны трое ассистентов, вполне уверенных в крепости своих нервов. Два джентльмена и дама. Прошу вас.

В женской части публики прокатилась волна испуганного шёпота. Первым решительно и даже нетерпеливо покинул своё место лорд Карниваль – тот самый пожилой господин, что сразу привлёк внимание Ивы. Он быстрым шагом прошёл к столику и занял указанное ему место по правую руку от медиума. Это он желал вызывать дух Рамсеса. Великосветский сноб, человек крайне высокомерный, известный своими экстравагантными манерами и из ряда вон выходящими эскападами, он и сам уже напоминал мумию. Карниваль был худ, с нездоровым желчным цветом лица и крайне неприятным выражением.

Затем из группы дам, расположившихся под пальмой возле дверей в зимний сад, делегирована была нервически хихикающая миссис Глейн, молодая вдова, всё ещё в трауре в пандан к чёрному платью Ивы. Она села напротив про-

рицательницы и стала нервно теребить кружевной платочек. Несколько джентльменов приподнялись из кресел, чтобы претендовать на последнее место, но Ива слегка приподняла руку и, глядя прямо перед собой, произнесла:

– Здесь присутствует человек по имени Гай Флитгейл, – по салону пролетел удивлённый ропот, – я желала бы, чтобы это место занял он.

Гай Флитгейл, до того момента занимавший скромное место в последнем ряду, неловко поднялся, и, невнятно извиняясь, стал пробираться к центру салона. Он впервые оказался в столь блестящем обществе, да ещё и при столь необычных обстоятельствах, и потому был неловок. Многие собравшиеся дамы нашли его очаровательным. Большинство джентльменов сочло его неотёсанным. Лорд Карниваль смерил своего визави презрительным взглядом, и тут же потерял к нему всякий интерес.

– Что же, господа, мы можем начинать. Я прошу всех хранить полное молчание. Положите руки на стол. Каждый из вас может задать духу лишь один вопрос. Более – ни слова. Что бы ни случилось – держите руки на столе и не покидайте своих мест. Надеюсь, всё ясно? – спросила Ива, пристально оглядывая своих ассистентов.

Каждый кивнул.

– Ну, что же... – тихо произнесла Ива и закрыла глаза.

Некоторое время, казалось, ничего не происходило. Публика, едва дыша, наблюдала за медиумом: та сидела очень

прямо, с закрытыми глазами, чуть подрагивающими крыльями носа, положив длинные узкие ладони прямо перед собой.

Неожиданно словно тихий вздох пронёсся по салону. Этот звук, исходивший, казалось, из сомкнутых губ Ивы, заполнил всё помещение тонкой вибрацией и эхом отозвался из каждого его угла. С лицом прорицательницы стали происходить странные перемены: И без того бледное, оно стало медленно заливаться совершенно лунным, холодным цветом, и само светиться недвижным фосфорицирующим сиянием. Все черты словно сгладились, осталась тёмная щель чуть приоткрывшегося рта; тёмные одежды совершенно растаяли в темноте, и только как будто белая маска парила над столом. Любой из собравшихся в салоне мог бы поклясться, что в тот момент над головой Ивы, на фоне высокой спинки трона, сгустилось нечто; нечто вроде белого, чуть переливающего перламутром, пара.

– Я готова, – раздался из щели рта свистящий, неузнаваемый шёпот.

Ива – если это всё ещё была она – открыла глаза, оказавшиеся лишь двумя чёрными, бездонными в темноту, прорезями в светящейся маске.

– Артур. Артур... Говори со мной, мой бедный король, я здесь, – шелестел её шёпот, – я здесь и жду тебя, я слушаю тебя, мой король...

Ещё несколько секунд, казавшихся вечностью, в салоне царила мёртвая тишина. И тут словно ряд подземных толч-

ков сотряс залу. Сдавленный вдох разнёсся в публике, совершенно скрытой темнотой. Столик затрясся. Огонёк свечи панически заплясал. Вздрыгнул на солнечном лице тускло блестящий астрагал. Внезапно всё завершилось. Успокоилось, затихло, но все увидели, что столп света стоит за спиной Ивы, и будто бы можно различить какое-то странное лицо в этом столпе. Но смутно, слишком смутно.

– Он здесь, – со вздохом сообщила медиум, – Благодарю тебя, мой король... Он хочет говорить с дамой. Миссис Глейн, спрашивайте. Спрашивайте тихо, не убирайте рук, смотрите на солнце, на солнце и луну, ну же?

Было хорошо слышно, как миссис Глейн судорожно сглотнула, пытаясь обрести голос, а потом треснувшим сопрано произнесла:

– Пусть дух скажет... скажет... Прощена ли я?

Движение воздуха вокруг стола вновь колыхнуло короткое пламя свечи, кость на таблице дрогнула и вдруг пришла в движение: короткими рывками, раскачиваясь на блестящих округлостях сустава, она поползла от центра к алфавиту.

– Н... е... т... – читала миссис Глейн прерывающимся шёпотом.

Когда кость резким броском вернулась в центр круга, бедная вдова всхлипнула и потянулась было за платком.

– Руку на стол. Молчите, Маргерет, вы хотели знать – вы узнали, – раздался сразу свистящий, бесстрастный голос. – Ваша очередь, мистер Гай Флитгейл. Говорите, но не про-

махнитесь...

– Я... я вернусь в Африку? – спросил Гай после некоторого молчания.

Этот вопрос возник сам собой, без его мысленного усиления, просто сорвался с языка.

Астрагал медленно двинулся в путь, набирая букву за буквой медленно, словно диктуя: «с-а-к-ч-а-г-ё-з-ю». («Какая-то абракадабра!» – послышался едва различимый сварливый голос мадмуазель Зулейки). Кость, немного поколебавшись, затем быстро показала «Бейрут» и медленно двинулась в центр.

– Почему Бейрут? – ошарашено пролепетал Флитгейл, но, прерванный змеиным шипением медиума, осёкся.

Кость вернулась на место, на истёртое солнце.

– Что же, недурно, мистер Гай. Лорд Карниваль, – прошелестел голос.

Лорд Карниваль, глаза которого лихорадочно сверкали в темноте, едва дождавшийся своей очереди, весь подался вперёд, опираясь на сухие, жилистые ладони, и проговорил быстро, с едва скрываемым нетерпением:

– Где то, что я ищу?

Кость немедленно кинулась к затейливым готическим литерам и безапелляционно застыла между Q и R, напряжённо подрагивая, словно на невидимой струне. Лицо лорда Карниваля исказила сардоническая гримаса.

– Артур, мой король, скажи то, что хочет знать этот чело-

век, – тихо попросила Ива.

Астрагал несколько раз едва подпрыгнул на месте, оставаясь строго между двумя литерами, потом нехотя двинулся по кругу. Обойдя, он показал: «во чреве бога». Сардоническая усмешка окаменела на губах Карнивала. Воцарилась тревожная тишина.

Лицо-маска Ивы чуть наклонилось так, что на его лунном сиянии отразился золотой свет свечи, рот раскрылся – чёрный, жуткий, выпустил шелестящий выдох и произнёс чуть слышно:

– Благодарю тебя. Прости что потревожила, мой король. Они узнали всё, что хотели знать.

Внезапно исчез светлый столп, столик затрясся мелкой агонической дрожью, стала шипеть и гаснуть свеча. Белое лицо стало меркнуть, чёрный рот скривился, словно от боли, и тут же раздался пронзительный, как птичий, крик: «Алоиз!».

Моментально раздёрнулись шторы, зажглись электрические люстры, к трону мчался бледный от волнения Алоиз, прижимая к себе что-то лёгкое, серебристое, серое. Он кинулся на колени перед хозяйкой, безвольно сползавшей с жёсткого сидения, укутал её в длинное меховое мантио и бережно поднял на ноги. Ива закрывала глаза длинной, чуть дрожащей ладонью, и секретарь немедленно повёл её к выходу.

Ассистенты, до той минуты сидевшие в оцепенении, ста-

ли подниматься со своих мест; миссис Глейн, едва встав, зашла в истерику, выкрикивая: «Я не чувствую рук! Мои руки!». Джентльмены чуть неверной походкой направились каждый в свой угол, и их тут же обступили любопытные, которые также находились в некотором роде шока.

Неучтиво, против своего обыкновения, Алоиз отстранял с дороги почитателей духовидицы:

– Вот так, вот так, госпожа, вот так. Нас ждёт авто, сейчас мы уедем отсюда...

Как только дверь за ними затворилась, общество, слегка пришедшее в себя после пережитого, принялось бурно обсуждать увиденное. Несмотря на предложенный ужин, лорд Карниваль и мистер Флитгейл тут же покинули дом, и миссис Глейн пришлось отдуваться за всех, перемежая свой рассказ нюханьем уксуса, принятием рюмочки шерри и поисками свежего платка.

Единственным скептически настроенным слушателем казалась мадмуазель Зулейка. Которая, впрочем, тоже вскоре покинула общество.

Глава 3. «За столом Ивы»

Ива, в дорожном бархатном платье, в маленькой шляпке с очень густой вуалью в мушках, была уже готова покинуть ателье, когда внизу послышался громкий, настойчивый стук в дверь, невнятное щебетание Алоиза и решительные шаги по лестнице.

Дверь распахнулась, в проёме мелькнуло испуганное лицо секретаря, а затем появился средних лет господин в недорогом твидовом костюме, крепко сложенный и осанистый.

– Мисс Ива? Прошу простить моё вторжение, но, увы, дело не терпит отлагательств. Старший инспектор Скотланд-Ярда Суон.

– Сегодня я не принимаю, инспектор. Я уезжаю и возобновлю приёмы не ранее чем через месяц, – сдержанно произнесла Ива, с неудовольствием глядя на незваного посетителя.

– Увы, мисс Ива, боюсь, что вам не придётся сегодня уехать. Дело серьёзное и отлагательств не терпящее. Сегодня утром миссис Робинсон была найдена убитой у себя на квартире.

– Я не знаю никакой миссис Робинсон, – проговорила ясновидящая холодно, поправляя пуговицы на перчатке.

– Ах, да. Это вполне естественно. Должно быть, вам она

известна как мадмуазель Зулейка, – усмехаясь в усы, поправился инспектор.

– Зулейка? – Ива была, вне всякого сомнения, удивлена, но отнюдь не потрясена, и, почти мгновенно взяв себя в руки, продолжила недовольным тоном. – Это, вне всякого сомнения, ужасно. Но чего вы хотите от меня? Чтобы я нашла убийцу? Не думаю, что могу вам помочь. Я не занимаюсь поиском преступников.

– Собственно, я не собирался просить вас о таком одолжении; полагаю, с этим вполне справится Скотланд-Ярд, – снова сдержанно усмехнулся инспектор, – но мне хотелось бы задать вам несколько вопросов. И, конечно, попросить вас не покидать Лондона до окончания расследования.

– Вот как? Вы подозреваете меня? Очень интересно. Что же, проходите, инспектор.

Обратившись к Алоизу, маячившему бледной тенью за спиной инспектора, Ива распорядилась разобрать вещи и отогнать авто, а затем элегантно жестом пригласила инспектора Суона войти и расположиться на козетке. Несмотря на этот жест, полный естественного изящества, прорицательница даже не старалась скрыть недовольства.

– Что же вы хотите узнать? – немного надменно спросила она, разглядывая посетителя. Инспектор Суон был джентльменом лет пятидесяти или чуть менее того, с мужественным лицом и проседью в тёмных волосах, аккуратно подстриженными усами и пронизательными глазами. Это последнее

особенно отметилось Иве: Инспектор обладал характером твёрдым и явно был неглуп.

– Насколько я знаю, вчера вечером вы давали сеанс у графа Бёрлингтона?

– Именно так.

– Не будете ли вы так любезны сказать, как вы провели время после сеанса? – с подчёркнутой учтивостью осведомился инспектор.

– Я ушла сразу. Я была утомлена. Алоиз, мой секретарь, отвёз меня домой, и я легла в постель. Проснулась нынче около девяти, и рассчитывала отправиться в Бат поездом в 12.30.

– И кто-то может подтвердить это?

– Разумеется. Мой секретарь и моя горничная. Секретаря вы только что видели, а горничную найдёте наверху, если вам угодно.

– Да, ваш секретарь именно так и сказал. Позвольте спросить – а чем вызван ваш спешный отъезд?

– Он отнюдь не спешный, инспектор. Я собиралась провести весну на водах, но настойчивые приглашения графа несколько отсрочили мой отъезд. Я могу поинтересоваться, есть ли у вас основания подозревать меня?

– Никаких, никаких, – покладисто и поспешно заверил Суон. – На самом деле, я рассчитывал на что-то вроде консультации. Видите ли, я никогда не сталкивался с представителями вашего рода занятий. Я имею в виду людей, обла-

дающих специфическими способностями.

– У мадмуазель Зулейки были весьма посредственные способности, – без особого почтения к почившей заметила прорицательница.

– Разумеется, разумеется, мисс Ива, – иронично улыбнулся инспектор, давая понять, что ничего другого он и не ожидал, учитывая явную конкуренцию дам в магическом промысле. – Тем не менее, миссис Робинсон имела определённую репутацию, не так ли?

– Несомненно, она прекрасно себя подавала, – в тон инспектору, с язвительностью ответила Ива, доставая из дорожного ридикюля изящный портсигар.

Инспектор, вынув из кармана зажигалку, галантно предложил ей огня и стал с любопытством разглядывать на себе-седницу.

– Что же, вы хотели у меня узнать только лишь о репутации Зулейки? – спросила Ива, легко выдерживая пыливый взгляд Суона.

– А вам не интересно, как была убита ваша коллега?

– Вероятно, она была убита ножом, в своём салоне, в час Быка, то есть около часу или двух пополудни, – немного подумав, сообщила Ива.

– Вот как? Простите мой нескромный вопрос – вы это увидели, так сказать, внутренним взором? – не без любопытства спросил инспектор.

– Если вам так будет угодно, – совершенно ледяным тоном

отчеканила Ива.

Пока их разговор походил на встречу двух опытных фехтовальщиков. Противники обменивались выпадами, изящные вольты и предупредительные блоки чётко указывали дистанцию, безопасную для рекогносцировки возможностей противника, но – ни капли крови!

Повисла неприятная пауза. Суон, помолчав, неожиданно покачал головой с некоторым сожалением.

– Простите, мисс Ива. Мне бы вовсе не хотелось, чтобы мы оказались непримиримыми врагами. Я понимаю ваше недовольство, но я лишь выполняю свой долг, и, признаться, сейчас его выполнение кажется мне затруднительным. Я чувствую себя на довольно тонком льду.

– Что же, тогда вам стоит сразу приступить к тому, ради чего вы пришли, – чуть спокойнее произнесла Ива и вновь посмотрела инспектору в глаза. Взгляд её, ещё вспыхивавший не вполне остывшим возмущением, был открытым и безбоязненным.

«Какая женщина!» – подумал инспектор, невольно восхищаясь.

– Хорошо, тогда начнём по порядку. Я хотел бы знать подробнее о клиентуре миссис Робинсон, или мадмуазель Зулейки, если вам так будет угодно. Меня, конечно, интересуют имена, но, в общем и целом, мне хотелось бы понять – какому кругу она оказывала свои услуги?

Ива пожала плечами, потушила папиросу и не без прене-

брежения ответила:

– Мелкие буржуа, запутавшиеся игроки, опустившиеся отпрыски аристократических семейств, любители пощекотать себе нервы эффектными трюками.

– Каким же образом она попала в столь блестящее общество, как то, что вчера собралось у графа Бёрлингтона?

– Не имею понятия. По правде говоря, я также была удивлена, увидев её. Но граф сказал, что, вероятно, она приглашена кем-то из членов Хэмпстедского клуба. Члены клуба всегда получают по три приглашения на все вечера, которые организует граф Бёрлингтон, и могут распоряжаться ими по своему усмотрению.

– Значит, никто из вчерашних гостей графа Бёрлингтона не мог быть клиентом или хорошим знакомым мадмуазель? – спросил инспектор.

Теперь, когда он был занят делом, когда не пытался сломить сопротивление собеседницы, а шаг за шагом двигался по одному ему известному маршруту логических умозаключений, он совершенно отбросил иронический тон. Взгляд инспектора стал острым, глаза немного прищурились как у охотника, следящего за зверем из засады, и он невольно потянулся к карману за портсигаром. Помедлив, чтобы получить рассеянное разрешение хозяйки, он закурил. Ива медлила с ответом.

– Не могу себе представить. Хотя иногда и люди великосветские оказываются в таких обстоятельствах, когда персо-

на вроде Зулейки... Касательно тех, кто ассистировал мне вчера, могу определённо сказать, что один из них совершенно точно никогда не был её клиентом.

– И кто же это? Лорд Карниваль?

Ива приподняла тонкую бровь, ясно выражая своё изумление компетентностью инспектора. Суон многозначительно улыбнулся, лукаво глядя на собеседницу:

– Конечно, мисс Ива, я не обладаю никакими чудесными способностями. Но мы успели побеседовать с компаньонкой мадмуазель, которая сопровождала её на вашем сеансе. Мисс Филпотс дала нам прекрасное описание всех вчерашних событий, несмотря на глубочайшее потрясение. Так вы имели в виду лорда Карниваля?

– Нет. Я имела в виду молодого человека по имени Гай Флитгейл, – ответила Ива. – Он совершенно точно не являлся её клиентом. И я могу вас заверить, что он совершенно точно не является её убийцей.

– Э-э-э-э... вы же не можете составить ему алиби? – поинтересовался Суон.

– Нет. Но я достаточно знаю об этом человеке, чтобы быть в этом уверенной. Может быть, вы всё же можете объяснить мне – к чему эти вопросы? Зулейку мог убить кто угодно. Но ведь вы не случайно интересуетесь вчерашним злополучным сеансом, не так ли?

Инспектор Суон некоторое время молча курил. Затем он посмотрел на Иву очень серьёзно и внимательно, вынул из

кармана небольшую записную книжку, открыл её, и, глядя на неровные карандашные строки своих записок, проговорил:

– Вы были совершенно правы, мисс Ива. Мадмуазель Зулейка была убита около половины второго ночи, в своей гостиной, служившей ей гадательным салоном. Но она умерла не сразу. На её крики из спальни спустилась компаньонка, мисс Филпотс. Она пыталась оказать помощь, но было мадмуазель была обречена – у неё было перерезано горло. Но, всё же, перед смертью мадмуазель прошептала одну фразу. Она пока является единственной зацепкой, которая может вывести нас на убийцу.

– Что же она сказала? – скорее себя, чем инспектора, тихо спросила Ива, сосредоточенно морща лоб. – Неужели она назвала имя?

– Увы. Она сказала только: «За столом Ивы».

* * *

Конечно, информация, полученная тем утром от компаньонки мадмуазель Зулейки, была чрезвычайно ценной и единственной, пока доступной инспектору.

Квартира магессы находилась в отнюдь не фешенебельном районе Лондона, на кривой и узкой Панчер-сквер, в доме, приткнувшемся между бумажной лавкой и скобяным базаром. В первом этаже её дома располагалась какая-то контора, мимо неё на жилые этажи вела шаткая лесенка, отго-

роженная от общего холла старомодными пыльными занавесями выцветшего лилового бархата.

Гостиная на втором этаже, в которой было совершено убийство, казалась чем-то средним между цирковой гримёрной, лавкой старьёвщика и чуланом деревенской колдуньи. Мебель была неновой и неухоженной, примечателен был лишь столик с грубой инкрустацией перламутром, явно купленный в лавке континентальных товаров. На стенах висели старые афиши, огромные веера, чьи-то портреты в рамах, покрытых недорогой позолотой. На полу валялись, сброшенные с полок во время ночных событий, разнообразные магические атрибуты – амулеты, склянки с неизвестным содержимым, чаши, разбитые вазы и скульптурки. На каминной полке в горделивом одиночестве лежал человеческий череп, а напротив него у стены, на каком-то роде алтаря, задрапированного тряпками, криво лежало чучело крокодила.

Тело миссис Робинсон было обнаружено лежащим подле инкрустированного столика в такой нелепой позе, что было очевидно – она пыталась оказать убийце сопротивление. Об этом же говорил и страшный беспорядок, царивший в гостиной. Предоставив инспектору это поле битвы для детального изучения и поиска следов преступника, Суон разговаривал с мисс Филпотс. Разговор происходил в небольшой столовой, обставленной во вполне обычном духе, если не считать какого-то африканского болвана с острым черепом и кривыми ножками, стоявшего в углу на высоком табурете.

Мисс Филпотс, чопорная тощая старая дева с допотопными букольками, подколотыми к чепцу, уже немного оправилась после ночного потрясения и говорила даже весьма охотно.

Правда, время от времени закатывая глаза.

– Итак, миссис Филпотс, расскажите по порядку, что происходило прошлым вечером? – спросил Суон, стараясь своим спокойствием и доброжелательностью произвести утешительное действие на несчастную свидетельницу.

– Мисс. Мисс Филпотс... – поправила пожилая леди.

– Да, прошу великодушно простить меня. Мисс Филпотс, так что же произошло?

– О, инспектор, пожалуй, я не могу вспомнить ничего, что могло бы вас заинтересовать... Мы были на вечере у графа Бёрлингтона. Это было восхитительно. Какое общество! Прекрасный ужин!

– Давайте начнём с вашего возвращения домой.

– Ах, да. Мы вернулись около одиннадцати вечера. Немного посидели в гостиной, поделились впечатлениями. Честно говоря, мы впервые были в таком блестящем обществе, и...

– И что же дальше? – ласково перебил Суон.

– Дальше мадмуазель сказала, что она устала и хотела бы лечь в постель. Поскольку горничную она на этот вечер отпустила – домой к родителям, в Чиплдаун, – я предложила помочь и проводила мадмуазель в спальню. Было около по-

луночи. Я отправилась к себе, в комнату наверху: Там находится моя спальня и комната горничной. Я легла спать. А потом меня разбудил страшный шум внизу и ужасные крики мадмуазель...

Мисс Филпотс пришлось взять паузу и перевести дыхание. Суон не стал торопить её, и через некоторое время дама продолжила:

– Я побежала вниз. Увидела, что дверь в салон открыта. Там горел свет. И вот, когда я вошла, я и увидела бедную мадмуазель на полу, всю в крови, а всё в гостиной было перевернуто вверх дном. Я надеялась, что смогу помочь ей, но у неё была такая страшная рана на шее! Удивляюсь, как она вообще была жива, когда я нашла её.

– Она была жива, когда вы нашли её? – уточнил инспектор.

– Да, да, вне всякого сомнения!

– Она была в сознании?

– Она ведь говорила со мной!

– То есть, вы хотите сказать, что разговаривали с раненой миссис Робинсон?

– Нельзя сказать, чтобы мы разговаривали, – смутилась мисс Филпотс, – но бедняжка открыла глаза и так взмахнула рукой. А потом сказала... вернее, она прошептала... но тут же умерла. Такой ужас! Я выбежала из дома, побежала к полицейскому участку на площади. Всё остальное вы, вероятно, знаете от тех полисменов, что всё ещё здесь. Какой ужас,

какой кошмар...

– Так что же она прошептала? – переспросил Суон.

– О, она произнесла: «За столом Ивы». Только это, больше ничего. Бедняжка...

– Дверь была заперта, когда вы побежали за полицией?

– Нет, открыта.

– Что ж, может быть, у вас есть какие-то предположения о том, что имела в виду миссис Робинсон в своих последних словах?

– Разумеется. Она хотела сказать, что её убил кто-то, сидевший за спиритическим столом вчера у Бёрлингтона! – ответила компаньонка так, словно это само собой разумелось.

– Вам знакомы эти люди?

– Не то, чтобы знакомы, но я могу сказать, кто это был. Разумеется, сама мисс Ива, выступавшая в роли медиума, затем – лорд Карниваль. О нём много говорят, он невероятно богат и чванлив. Затем довольно невыразительный молодой человек – не знаю, как он туда попал, но мисс Ива сама вызвала его из публики. По-моему, его имя – Гай. И миссис Глейн, вдова. Её муж был весьма родовит. Кажется, она заходила к нам некоторое время назад, около года или что-то вроде того; но она не была постоянной клиенткой мадмуазель, так что я могу ошибиться. По правде говоря, если не считать того молодого человека, это – не наш круг. Высшее общество.

Последние слова мисс Филпотс произнесла с мечтатель-

ным придыханием.

– Как же вам посчастливилось оказаться в таком блестящем обществе? – осторожно спросил инспектор.

– О, инспектор, это провидение. Это Рок, инспектор. Накануне мы получили два приглашения от неизвестного. Ни имени, ни даже инициалов – ничего. Просто конверт с двумя пригласительными билетами. Мадмуазель, конечно, могла точно сказать – кто оказался этим щедрым дарителем, но она не сочла необходимым сообщить мне. А я была так занята приготовлениями к выходу, что не удосужилась... Ах, если бы я обладала хоть толикой дара Зулейки!

Поговорив ещё с мисс Филпотс, Суон узнал, что до и после сеанса мадмуазель Зулейка довольно активно общалась с гостями. Она была исключительно притягательной особой, как заметила компаньонка с определённой гордостью, и потому вокруг неё всё время были люди. Конечно, подходил и сам граф Бёрлингтон, показав себя очень любезным и гостеприимным хозяином, а также господин из газеты, некий шелкопёр, ведущий колонки о светских событиях.

В конце беседы инспектор попросил миссис Филпотс посмотреть, если это было возможно, – не пропало ли чего-нибудь ценного (а салон, как уже было сказано, был совершенно забит разнообразными атрибутами колдовского дела). Здесь инспектора ждала первая неожиданность. Вместо того чтобы впасть во вполне понятную растерянность от такой просьбы, компаньонка спокойно заверила, что займётся

этим прямо сейчас, и проверка не составит большого труда, поскольку у неё всё совершенно точно записано. Да, мисс Филпотс вела строгий учёт всем приобретениям Зулейки. Суон сперва счёл это особым проявлением верности компаньонки; но вторая новость разъяснила истинное положение дел.

– Позвольте выразить ещё раз свои соболезнования, мадам. Что вы собираетесь делать теперь, когда мадмуазель покинула этот мир? Вы, вероятно, будете подыскивать новое место? – поинтересовался он, уже собираясь оставить бедную мисс наедине с её горем.

– Подыскивать новое место? – мисс Филпотс была изумлена и, казалось, даже оскорблена. – Определённо нет! Вероятно, вы введены в заблуждение. Этот дом и вся его обстановка принадлежат мне. И прошу вас заметить, что все расходы оплачивала я: И жалованье прислуги, и воду, и уголь, и всё прочее!

– То есть вы хотите сказать, что этот дом – ваш? – искренне изумился инспектор.

Мисс Филпотс преобразилась: Спина у неё выпрямилась, остренький подбородок вздёрнулся, отчего буколки горделиво встряхнулись, а в глазах мелькнуло нечто вроде высокомерия.

– Да, сэр, я – хозяйка этого дома.

– И мадмуазель была вашей квартиранткой? – с всё возрастающим удивлением уточнил инспектор.

– О, нет, разумеется – нет! – миссис Филпотс энергично затрясла буколькоками. – Как я могла брать деньги с мадмуазель Зулейки? У меня и мысли такой не было! Я была счастлива предложить ей всё, что имею! Вы, инспектор, не знали эту поразительную женщину! Она была великая. Великая! Я предоставила ей эту квартиру, а сама жила в комнате для прислуги; я оплачивала её счета и все её приобретения; мне выпала редкая благодать касаться тех же вещей, которых касалась рука великой мадмуазель!

Немного сбитый с толку такой страстной речью, Суон вежливо откланялся и оставил мисс Филпотс со всем её горем и со всем её имуществом. С другой стороны, вопрос о выгоде, которую получили бы наследники миссис Робинсон-Зулейки после её смерти, снимался сам собой: У Зулейки, считай, и не было имущества, наследовать было нечего. Нельзя сказать, что рассказ мисс Филпотс внёс ясность в дело, но, по крайней мере, появились «четверо за столом», с одним из которых Суон имел теперь столь странную беседу в тёмном салоне на Глостер-плейс.

* * *

Ива выслушала рассказ инспектора очень внимательно, и тот по её кивкам, гримаскам и движениям глаз видел, что эта женщина слушает его вовсе не из праздного любопытства. Он многое и многих повидал за свою военную карьеру и ка-

рьеру полицейского, и безошибочно мог определить, стоит ли доверять собеседнику. Мисс Иве доверять было можно. В конце рассказа она задумчиво прикоснулась к подбородку кончиками пальцев и слегка потёрла его.

– Значит теперь, инспектор, вы собираетесь встретиться со всеми, кто сидел за моим столом?

– Именно так, мадам.

– Надеюсь, я вне подозрений?

– Да, мисс Ива. Вне всякого сомнения.

– В таком случае... не могу ли я попросить об одной любезности, инспектор? Обстоятельства таковы, что я оказалась замешана в этой истории. Да, в конце концов, я несу определённую ответственность за произошедшее. Я могла бы присутствовать при ваших беседах с остальными участниками того спиритического сеанса?

– Хм... – Суон задумался. – Пожалуй, это было бы даже интересно. Это можно организовать, но ведь они узнают вас, и вряд ли захотят быть откровенными в вашем присутствии! – ответил Суон.

– Я что-нибудь придумаю, – пообещала Ива, в глазах её блеснула лукавая искорка и самая очаровательная улыбка украсила её большой, выразительно очерченный тёмный рот.

Глава 4. Два письма Гаю Флитгейлу

Гай Флитгейл в тяжелых раздумьях сидел в своей гостиной – одной из двух комнат, которые на протяжении последних лет он снимал в скромном учительском квартале на Дорси-лейн – и бесцельно перекладывал газеты. Он всё ещё был в халате, несмотря на время ланча. Сегодня он не собирался выходить, и вообще пребывал в дурном настроении. Около полудня квартирная хозяйка, миссис Грин, ворча, подала овощной суп (довольно жидкий и безвкусный), деликатный кусочек ростбифа и пудинг, не возбуждавший аппетита.

И еда, и сама комната были одинаково посредственного качества, но, учитывая скромные доходы Флитгейла, приходилось мириться с некоторыми неудобствами. Сам Гай не слишком обременял себя заботами о быте, и Флоренс, разумеется, была недовольна.

Конечно, после свадьбы придётся найти что-нибудь более соответствующее положению (и, в основном, положению Флоренс), но Флитгейл старательно гнал от себя эти мысли. Флоренс происходила из семьи буржуа: Её отец, Ноэль Папати, был совладельцем небольшой фабрики галантерейных товаров и автором популярной торговой марки «Шнурки Папати». Семья была вполне состоятельной и, конечно, родители желали бы видеть будущее дорогой Фло обеспечен-

ным. Флоренс была девушкой прогрессивно мыслящей, но всё же и она ожидала от роли супруги профессора Лондонского Университета (кем видела Гая в обозримом будущем) чего-то большего, чем две паршивые комнатёнки на Дорси-лейн и пустой суп на ланч. Несомненно, семейство Папати могло бы обеспечить им безбедное существование, но Гай не желал об этом даже слышать. В конце концов, Флитгейлу придётся попросить новые курсы в колледже, или даже читать публичные лекции. Это будет отнимать драгоценное время от занятий наукой.

Но занятия наукой требовали денег, и немалых.

Итак, первой причиной дурного настроения молодого человека было письмо, пришедшее вечерней почтой. Лондонское Королевское Азиатское Общество любезно сообщало доктору Флитгейлу, что не считает целесообразным финансировать его археологические работы в Нубии в следующем сезоне.

Последние пять лет жизни Флитгейла были отданы этой земле: Величественным развалинам царских гробниц в красных песках. Под стенами коптских церквей, в холмах Судана, лежали бесчисленные сокровища древнего народа, соперников великих фараонов. Под сокровищами Гай имел в виду не только изумительные изделия из золота и драгоценных камней, но и каменные стелы и папирусы, покрытые загадочной, полупонятной нубийской письменностью. Древние письма захватили его воображение с тех пор, как он,

ещё мальчишкой, случайно попал на лекцию великого Генри Раулинсона; с тех самых пор чтение древних текстов стало его страстью. Разбирая и складывая вновь таинственные знаки, он погружался в прекрасный далёкий мир, и – будь то опись с торгового судна, текст о целительном действии растений, царский указ, или грамматические упражнения, оттиснутые на глиняной табличке неуверенной ученической рукой – всё это говорило Флитгейлу больше, чем печатные колонки «Times». И к этим ученическим табличкам, частью полустёртым, частью – расколотым, он испытывал особое родственное чувство, поскольку и сам, как ученик, с трудом пробирался сквозь премудрости древнего письма. Вновь прикоснуться к этим вечным словам, оживить мёртвые языки, услышать их живой говор – вот чего Флитгейл желал более всего на свете.

Но он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что у Королевского Общества были основания отказать ему в удовольствии вернуться в Нубию. Во-первых, участок, на котором были разрешены раскопки Общества, был уже практически исчерпан. В течение последних двух лет Флитгейл неоднократно писал в Отдел Египетских Древностей с просьбами разрешить работы на смежном участке, который обещал быть очень и очень богатым на находки, но каждый раз получал вежливый отказ.

А во-вторых, неприятнейший инцидент, имевший место в последний сезон работ, хотя и не бросил тени подозрения

на самого Флитгейла, но серьёзно испортил настроение Азиатского Общества. Дело касалось злосчастного доктора Купера.

Доктор Купер ещё в Лондоне предложил Гаю свою бескорыстную помощь в проведении раскопок в Нубии. Флитгейл, не имея никакого представления о деятельности нежданного помощника, поинтересовался его публикациями в журналах. Он обнаружил несколько довольно слабых статей по египетской археологии, Трое, Уре, кельтам и римским памятникам Британии. Такая неразборчивость слегка покорибила Флитгейла, но, впрочем, по здравому размышлению, Гай ничего предосудительного в такой широте интересов не нашёл. Один из коллег Флитгейла отрекомендовал Купера как энтузиаста, но человека не слишком компетентного ни в одной из областей своих пространных интересов. Зато доктор был человеком обеспеченным и никогда не отказывался присокупить свои средства к общему бюджету экспедиции.

А это бывало весьма кстати.

Так или иначе, Купер нагнал экспедицию Флитгейла уже в Судане, и с большим воодушевлением присоединился к раскопкам. Знания его, действительно, время от времени заставляли Гаю диву даваться – доктор казался скорее восторженным дилетантом, чем профессиональным археологом; по крайней мере участок, который сперва был выделен ему для руководства расчисткой фундамента храма, был скоро под благовидным предлогом передан ассистенту Флитгейла, мо-

лодому шведу Торсону. Впрочем, это не испортило отношений в отряде, поскольку Купер продолжил работать в камеральной лаборатории, где, наконец, открылись его подлинные таланты.

Купер был невероятно чувствителен к вещам. Он оказался прекрасным реставратором. В его руках предметы возрастом в четыре тысячи лет буквально воскресали, раскрывали свою красоту и подлинную ценность. К тому же Купер взялся вести документацию по находкам: Все эти бесконечные описания и списки; эта работа, не слишком увлекательная, казалось, тоже приносила ему неожиданное удовлетворение.

Идиллия кончилась внезапным исчезновением Купера. Вернее, его срочным отъездом. Около недели доктор жаловался на головокружение, боли в желудке, тошноту и прочие недомогания. Он сильно похудел и осунулся, чем вызвал у Гая серьёзные опасения. Зная о коварстве местных болезней, Флитгейл начал настаивать на срочной эвакуации коллеги в Хартум, где он мог бы получить врачебную помощь. Гай отлучился из лагеря всего на день, чтобы договориться в близлежащей деревне о повозке, которая могла бы перевести бедолагу в госпиталь. Но, когда вернулся, обнаружил, что ни доктора Купера, ни его вещей уже в лагере не было. Люди, весь день проработавшие на раскопе, ничего не видели. В лагере оставалось несколько человек, заменившие хворавшего Купера в камеральной палатке, но они почти весь день не выходили из своего шатра, спасаясь от палящего зноя, и то-

же не смогли сказать ничего вразумительного.

Было решено, что Купер воспользовался любезностью английских военных, которые часто посещали лагерь с экскурсиями из расположенного неподалёку гарнизона, и был отвезён ими в военный госпиталь. Правда, это предполагало хоть какую-нибудь записку или сообщение от Купера, и Флитгейл тщетно ждал письма и безрезультатно наводил справки в гарнизоне.

Но доктор Купер как в воду канул.

Самое же неприятное заключалось в том, что вместе (а может, всё же, и не вместе, но примерно одновременно) с доктором из ящичков, уже упакованных к отправке в Англию, пропали некоторые находки. Это обнаружилось уже в Лондоне. Семь прекрасных изделий, среди которых были те, что составляли, пожалуй, крупнейшие удачи сезона: золотая подвеска в виде головки барана с уреем между крутых, искусно гравированных рогов, прекрасный нубийский шлем, покрытый тонкой золотой насечкой, и сильно повреждённое египетское зеркальце на ручке в виде анха, знака вечной жизни. Конечно, они могли быть украдены местными феллахами, которые нанимались для черной работы, но Флитгейл был почти уверен, что предпринял все меры против воровства.

К особой своей досаде, Флитгейл уже успел похвастаться одной из находок в письме своему коллеге в Лондон, и там с нетерпением ожидали появления артефакта. Гаю пришлось

придумывать гнусную по своей школярской лживости историю про собственную ошибку, тем более что по счастью Купер, видимо, не успел внести вещи в опись находок.

Разумеется, Флитгейлу попеняли за невнимательность и некоторое время встречали в профессиональных кругах плохо скрываемыми усмешками. Но публикация материалов, даже без злополучных находок, произвела на учёное сообщество такое благоприятное впечатление, что об инциденте вскоре перестали вспоминать.

Однако, Флитгейл чувствовал себя глубоко уязвлённым и тщетно искал доктора Купера. Его подозрения по поводу странного коллеги росли с каждой неудачной попыткой найти его. Последнее усилие найти загадочно пропавшего Купера при помощи магии внесло в историю ещё большую туманность. Воспоминания о вчерашнем сеансе спиритизма отдавались в мозгу Флитгейла тупой болью. Две встречи с мисс Ивой не оставляли ему надежды ни на что: ни на обнаружение Купера и пропавших вещей, ни на возвращение в Нубию, ни на душевный покой. Как, всё же, странно было то, что он получил отказ Общества на следующий же день после сеанса! Или это редкостное совпадение, или – подтверждение способностей мисс Ивы. Всё же в глубине души Флитгейл верил, что она знает правду, и от этого душный ком подступал к горлу, и беспричинный страх охватывал Гая. К тому же он должен был признаться – тогда, на сеансе, ему было просто страшно.

Так что отказ Азиатского Общества и воспоминания о сеансе уже могли бы привести Гая Флитгейла в самое отвратительное расположение духа.

Но то, что случилось сегодня утром, и, на первый взгляд, могло бы исправить настроение джентльмена, окончательно вогнало его в ипохондрию. Гай взял письмо в плотном дорогом конверте, в который раз внимательно всмотрелся в размашистые и уверенные, хотя и немного неровные буквы адреса и собственного имени. Кем бы мог быть автор этого письма?

Его мысли прервал весёлый щебет на лестнице, перемежавшийся старческим брюзжанием. По лестнице бойко поднималась Флоренс Папати, сопровождаемая миссис Грин.

– Хорошо, хорошо, я обязательно скажу ему... – беззаботно произнесла Флоренс, уже открывая дверь в гостиную, и обращаясь к миссис Грин с комической серьёзностью, – скажу прямо сейчас.

Она вошла, прикрыла дверь и радостно объявила:

– Гай, дорогой, если ты не перестанешь курить в постели, миссис Грин будет вынуждена взимать с тебя дополнительную плату за испорченные простыни. Здравствуй, любовь моя! Боже мой, ты ещё в халате! И вид у тебя какой-то мрачный. Что случилось? А что это за письмо?

Флоренс говорила, снимала шляпку, тормозила Гая и сияла такой свежей естественностью и радостью, что, казалось, в комнату заглянуло солнце.

– Ты получил письмо? Что-то ужасное? Ты мне ничего не рассказываешь, милый, это дурно с твоей стороны, я волнуюсь.

Она, наконец, немного утихомирилась и присела на подлокотник кресла рядом с Гаем.

– Здравствуй, дорогая. Да вот, довольно странное письмо. Пытаюсь понять – от кого бы оно могло быть?

– Я могу прочитать? – Фло с нетерпением выхватила письмо из руки жениха, цокнула языком, оценивая респектабельный конверт и дорогую бумагу, и погрузилась в чтение.

Через минуту она воскликнула, складывая лист:

– Боже мой, какая удача, Гай! Ты только подумай! Не понимаю – почему ты такой хмурый! Это прекрасно! Я, кажется, уже знаю, что тебе следует сказать этому господину...

– погоди, Фло! – досадливо поморщился Гай. – Ты что, не понимаешь – что предлагает мне этот человек?

– Как раз прекрасно понимаю! – нетерпеливо возразила Флоренс, взмахнула листом, чтобы расправить его, и прочитала вслух:

«Достопочтенный доктор Флитгейл!

Будучи наслышан о Ваших научных изысканиях, талантах исследователя и репутации одного из лучших специалистов в области археологии древних народов, я желал бы обратиться к вам с предложением о небезынтесном для вас и взаимовыгодном сотрудничестве частного характера. Полагаю, что моё предложение заинтересует вас как специалиста,

и как человека трезвомыслящего.

Для обсуждения деталей моего предложения, я имею честь пригласить вас сегодня вечером в ресторан «Микадо» к семи часам пополудни.

I.»

– Ну, и что же тебя не устраивает, дорогой? «Взаимовыгодное сотрудничество» – разве это плохо звучит?

– Это звучит отвратительно, Фло! Неужели ты не понимаешь – что имеется в виду? Какой-нибудь состоятельный коллекционер, любитель модных древностей, хочет нанять меня для пополнения своей коллекции!

– И что в этом дурного, Гай? Неужели все твои исследования не обращены как раз к тому, чтобы люди могли украсить свою жизнь этими восхитительными милыми вещицами?! А, может быть, он согласится финансировать твои раскопки, и ты сможешь сделать какое-нибудь потрясающее открытие, о котором заговорит весь мир!

– Боже мой, о чём ты говоришь, Флоренс! – отчаянно воскликнул Гай. – И потом, зачем это «I.»? Что за шутки? К чему эта таинственность?

– Ах, милый, люди богатые могут себе позволить чудачества! Ну же, что ты дуешься? Дорогой, мои родители готовы смириться с тем, что ты, прямо скажем, небогат; но они никогда не смиряются с тем, что ты никому не известен. То есть я понимаю, что ты очень хорошо известен в образованном и научном обществе, но слава тебя обходит стороной, мой

милый, и это ужасно несправедливо!

– О, Флоренс, мне кажется, что ты смеёшься надо мной.

– Ничуть не смеюсь, – с обидой ответила Фло, поднимаясь с подлокотника и прохаживаясь по привычке по небольшой гостиной, – это мне порой кажется, что ты смеёшься и совершенно не любишь меня. Я верю в тебя и знаю, что ты великий археолог! Но, согласишься, немного денег не мешали ещё никакому великому учёному! Не понимаю, неужели от тебя убудет, если ты поможешь этому славному господину приобрести пару-тройку древних вещиц? Ты сможешь продолжить свою работу, не беспокоясь о хлебе насущном, и – Гай! – тогда мы наконец-то поженимся! Ах, неужели ты этого не хочешь?

Флоренс казалась действительно расстроенной, а в голосе её было слышно настоящее отчаяние.

– Фло, как ты можешь так говорить! Разумеется, я мечтаю о том, чтобы мы поженились, – заверил Гай, правда, не слишком убедительно.

– Ну, хорошо, милый; если ты так настроен против этого господина, ты ведь в любом случае можешь просто встретиться с ним и немного поговорить.

– Ну, конечно, могу, – безнадёжно ответил Флитгейл.

– Милый, ты такой чудный! Обещай мне, что пойдёшь в «Микадо» и просто поговоришь с ним! И, ради бога, не соглашайся на какие-нибудь гроши. В конце концов ты – серьёзный учёный, и тебе скоро предложат кафедру. Надень

смокинг, умоляю тебя, – ты в нём выглядишь очень респектабельно.

Флоренс моментально забыла о своих сетованиях и вновь приобрела энергичную жизнерадостность. Гай же с отчаянием понял, что у него не остаётся никакого выхода, кроме как надеть смокинг и идти на встречу с заранее антипатичным анонимом, скрывшимся за инициалом «I».

* * *

Указанное заведение располагалось в Найтсбридж, районе фешенебельном, дорогом и праздном; там, подле Японской деревни, находился ресторан, дорогой и обставленный в восточном духе, в котором собирался лондонский бомонд. Флитгейл, который не имел обыкновения посещать подобные заведения, чувствовал себя не в своей тарелке. Войдя под тяжёлые бархатные занавеси, роскошно драпировавшие бамбуковые воротца в залу, Гай остановился в нерешительности, с сомнением разглядывая щегольскую публику, веселившуюся за столами. Меж столиков порхали официантки в цветастых халатах, а на небольшой сцене в глубине зала шеренга девиц в японских париках под заунывную музыку вертели яркими бумажными зонтиками. Метрдотель, слава богу, одетый партикулярно, словно из-под земли вынырнул перед Флитгейлом и посмотрел на него с интересом.

– Меня, вероятно, ждут. Моё имя – Гай Флитгейл.

– О! Доктор Флитгейл. Прошу сюда, – метрдотель сделал широкий жест в глубину заведения и любезно склонил напылаженную голову. – Для вас заказан прекрасный столик, прошу, прошу сюда.

Столик был прекрасен тем, что располагался в укромном углу, в своего роде отдельном кабинете; оттуда, впрочем, открывался хороший вид на сцену и на публику. «Полагаю, Фло бы здесь понравилось», – не без насмешки подумал Гай, располагаясь в кабинете. Меню и винная карта не оставляли ему ни малейшего шанса на ужин: цены в «Микадо» были и впрямь императорские.

Флитгейл попросил чашечку кофе и стал с нетерпением ждать богатого анонима. Но время шло, чередовались номера на сцене, бумажные зонтики сменились пёстрыми веерами, затем появились самураи, разыгравшие драматическую сцену, потом вышла дива в кимоно и исполнила что-то трогательное из Масканы, но I всё не было. Около десяти часов вечера Гай расплатился за кофе (этих денег хватило бы на отличный ужин где-нибудь в окрестностях Дорси-лейн) и отправился домой, крайне раздосадованный.

В последнее время с ним стало происходить слишком много странных вещей. Это не на шутку тревожило археолога.

Глава 5. Больной лорд и нервная вдова

Утро того дня Суон провёл в своём кабинете в Скотланд-Ярде, пытаясь как-то упорядочить всю известную ему информацию по поводу убийства миссис Робинсон. Он начертил «древо преступления», как он это называл: нечто вроде схемы с точно посередине расположенным одиноким стволом жертвы и ветвями её знакомств и сношений, с листовой фактов и перекидывающимися с ветки на ветку лианами логических связей. Такие деревья, опутанные лианами, ему, бывшему офицеру Бомбейского полка, были хорошо знакомы. Когда-то ординарец Суона, добрый малый Суинли, удивлённо заметил: «Посмотрите, сэр, они все связаны между собой!». Тогда Суон мимоходом подумал, что всё связано между собой в этом мире, а много позже, когда после отставки по ранению он вернулся в Англию и через два года по возвращению начал карьеру полицейского инспектора, эта мысль и этот образ вернулись к нему. Что ж, рисование деревьев сослужило добрую службу, когда Суону пришлось расследовать первые дела, а потом вошло в привычку, и производило нужное впечатление на коллег и начальников.

Суон быстро понял, что некоторые эксцентричные при-

вычки позволяют иметь репутацию человека оригинального и потому имеющего некие особые привилегии. Рисование было тем безобидным и крайне полезным чудачеством, к которому коллеги относились с опасливым почтением, а начальники – с осторожной снисходительностью.

Правда, крона дерева Зулейки была пока не слишком густой. К стволу, олицетворяющему магессу, одиноко прилепилась странная компаньонка-патронесса мисс Филпотс; от дерева исходили четыре по-зимнему голые ветки, предназначенные для подозреваемых «за столом», а листьев и лиан пока почти не было. Толстый побег связал загадочными финансовыми отношениями двух леди, но далее всю эту дендрологическую конструкцию только предстояло одеть фактами.

Суон полюбовался рисунком, озаглавил его «Глухое дело», скомкал бумажки и метнул их точно в корзину. Для того чтобы это дерево зазеленело, необходимо было опросить графа Бёрлингтона и всех, кто общался с Зулейкой в тот вечер. А это были сливки общества, титулованные особы и самые богатые люди Англии. Которые не слишком любят, когда их беспокоят «по пустякам». Работать с такой публикой было делом сложным и неблагодарным. В этом смысле даже неплохо, что он согласился привлечь мисс Иву к расследованию (о чём он благоразумно не стал сообщать начальнику Департамента). Ибо кто, как не она могла приоткрыть для него некоторые тайны ремесла и дать хоть какой-то ключик к пониманию странного мира гадалок и их клиентуры?

Мисс Ива показала Суону весьма умной, хладнокровной, на удивление здравомыслящей, и могла бы стать для него кем-то вроде Вергилия в этом почти потустороннем мире. Ему никогда ещё не приходилось сталкиваться с духовидцами и медиумами.

И ещё в Иве было что-то, что не давало Суону относиться к ней просто как к перспективному свидетелю. Это «что-то», несомненно, мешало ему быть совершенно беспристрастным к ней.

Разумеется, по долгу службы ему приходилось иметь дело со многими хорошенькими молодыми леди. Многие из них были настоящими красавицами. Мисс Иву красавицей назвать было, пожалуй, сложно, но было в ней обаяние ума и сила характера, которые всегда производило глубокое впечатление на Суона. Обаяние ума, и ещё что-то, что-то неуловимое, очаровывающее и притягательное.

Суон кинул виноватый взгляд на фотокарточку, стоявшую на его столе, и отвёл глаза. Он никогда не убирал эту карточку со стола, но редко смотрел на неё. С этой фотографией были связаны мучительные воспоминания, но убрать её Суон не решался: Это было бы чем-то сродни предательству.

С момента убийства Зулейки не прошло и суток, как начальник Уголовного департамента стал требовать от Суона докладов о продвижении расследования и пугать его разжалованием. Конечно, всё дело было в том, какие имена вовлечены в дело; и ещё в том, что уже вчерашние вечерние га-

зеты пестрели заголовками в самом отвратительном щелкопёрском духе.

Суон схватил со стола газету. Заголовок сообщал: «Известная прорицательница мадмуазель Зулейка воссоединилась с духами», гневно хрустнул бумагой, пробормотал что-то непубличное и отправил газеты, вслед за древом убийства Зулейки, в корзину.

Через полчаса он должен был встретиться с мисс Ивой для того, чтобы вместе с ней нанести визит в особняк лорда Карниваля. Суон должен был признаться себе, что приближающаяся встреча волновала его так же, если не сильнее, чем недовольство шефа и не желающие ветвиться древа преступлений.

Когда же инспектор появился в условленном месте, он не увидел мисс Ивы, а вернее – не узнавал её. До тех пор, пока с парковой скамейки ему навстречу не поднялась энергичная молодая особа, одетая как истинная суфражетка. Чёрная юбка, наглухо, до самого подбородка застёгнутая блуза с галстуком и небрежно накинутый бесформенный жакет делали Иву совершенно неузнаваемой. От изысканности движений и грации не осталось и следа: она решительно шагала к инспектору, протягивая руку для пожатия, и её лицо выражало тот беспричинный энтузиазм, который так свойственен идейным дамам.

– Я умею стенографировать и вести дела, как заправский секретарь. Надеюсь, вам не нужны рекомендательные пись-

ма? – деловито сообщила Ива. – Зовите меня мисс Райт, и, уверяю вас, меня никто не узнает.

– Не сомневаюсь, – пробурчал Суон, неловко пожимая маленькую узкую ладошку.

Взяв кэб, они направились к дому лорда Карниваля.

Роскошный особняк Карниваля стоял в глубине старого парка в конце Вестминстерской аллеи – огромный, построенный в палладианском духе, с величественной колоннадой, мрачного вида львами у крыльца и столь же мрачным лакеем, вышедшим навстречу визитёрам.

Когда инспектор Суон доложил о себе и своей спутнице дворецкому, тот всей своей дородной фигурой выразил глубочайшее сомнение и удалился, надолго оставив посетителей. Только минут через десять в аванзал вошёл энергичного вида господин в пенсне и представился:

– Доктор Хинкли. Инспектор, моё почтение, мадам...

– Доктор Хинкли, мне хотелось бы поговорить с его светлостью. К сожалению, дело не терпит отлагательств, но и не отнимет много времени у лорда Карниваля.

– Боюсь, это совершенно невозможно, – сообщил доктор, – Лорд Карниваль очень болен, он совершенно не может принять вас.

– Болен? Простите, доктор, я не посягаю на врачебную тайну, которую вы обязаны хранить именем Гиппократы; но как официальное лицо я хотел бы задать вам пару вопросов.

– Ну что же, если так... Мы можем поговорить здесь. А

леди?..

– Мисс Райт – стенографистка. Новое введение Уголовного департамента, – буркнул Суон, всем своим видом демонстрируя недовольство подобным нововведением. – Я хотел задать несколько вопросов, касающихся вашего пациента...

– Ну что же. Ума не приложу, каким образом лорд Карниваль может быть вовлечён в какое-то уголовное дело, но я слушаю вас.

– Я могу узнать, когда заболел лорд Карниваль?

– Он давно болен, старший инспектор. В его болезни нет ничего тайного, у него туберкулёз. Самое ужасное, что он долгое время пренебрегал лечением, хотя мы могли бы значительно облегчить его состояние. Теперь у него обострение.

– Но когда ему стало хуже?

– За мной прислали вчера рано утром. У лорда началось горловое кровотечение, и он был крайне слаб.

– Утром? Но накануне вечером он ещё был у графа Бёрлингтона?

– Да, и это была его роковая ошибка. Ему не следовало выезжать, тем более в такую ужасную погоду. Я предупредил его, но его светлость вообще не склонен слушать кого бы то ни было.

– Что ж, благодарю вас, доктор. вы очень любезны. А кто был рядом с лордом, когда вас вызвали?

– Его секретарь. У его светлости нет семьи.

С секретарём также удалось поговорить. Он производил впечатление человека ответственного, подчёркнуто медленно отвечал на вопросы, с сомнением поглядывая на мисс Райт, чтобы удостовериться, что та успевает заносить его ответы в блокнот. По его словам, лорд Карниваль вернулся после сеанса около десяти часов, и был нездорово возбуждён, что, несомненно, было признаком начинающегося приступа. Секретарь предложил немедленно послать за доктором Хинкли, но лорд категорически отказался, велел подать ему чаю и грелку, и не беспокоить его более. Секретарь выполнил распоряжения и отправился в свою спальню, находившуюся во флигеле. А около четырёх часов утра лорд Карниваль вызвал его звонком: как утверждал секретарь, Карниваль был очень плох, кашлял кровью и потерял сознание, прежде чем приехал доктор.

Рассказ, казалось, вполне удовлетворил инспектора.

Когда визитёры уже готовы были покинуть дом, и дородный дворецкий подал инспектору шляпу, Суон, воспользовавшись моментом, задал вопрос и ему:

– Любезный, вы не припомните, в котором часу лорд Карниваль вернулся домой позавчера, когда выезжал к графу Бёрлингтону?

– Около десяти, сэ. Он был уже нездоров и сразу поднялся к себе.

– И более не покидал дома?

– Полагаю, что нет, сэ.

– Благодарю вас.

Выйдя из особняка, Суон обратился к Иве, до тех пор хранившей молчание:

– Ну, и что вы об этом думаете?

– Он был нездоров у Бёрлингтона, это совершенно очевидно. Но мне будет беспокойно, пока мы не поговорим с ним лично. Мы можем отправиться теперь к вдове Глейн?

* * *

Миссис Глейн была ужасно перепугана появлением инспектора Суона и мисс Райт.

– Миссис Глейн, это мисс Райт от общества «За защиту женских прав», – преднамеренно недовольно сообщил Суон, как они договорились по пути к дому вдовы.

– Да, вам совершенно не о чем волноваться. Мы добились права присутствовать при беседах полиции с дамами во избежание оказания давления и проявлений половой сегрегации. Не бойтесь, дорогая, я не дам вас в обиду! – и Ива кинула на Суона такой испепеляющий взор, что Суон, право слово, должен был провалиться сквозь землю.

– Но, право же, я не знаю... Я ничего не знаю! – залепетала вдова.

– Не волнуйтесь, дорогая, пустые формальности. Сейчас инспектор задаст вам несколько вопросов и будет исключительно деликатен!

– Да-да, непременно, – мирно поддакнул Суон.

– Ну что же, если вы ручаетесь... не поймите меня превратно, но после смерти дорогого Артура мои нервы совершенно расстроены, я прошу вас заранее простить меня. Присаживайтесь, прошу вас. Я постараюсь держать себя в руках. Что же за пара вопросов?

– Миссис Глейн, два дня назад вы посетили вечер у графа Бёрлингтона...

Вместо ответа вдова всхлипнула и залилась слезами.

– Прошу вас... миссис Глейн, попросить воды? – Суон терпеть не мог нервных дам, поэтому сейчас нахмурился и кинул вопросительный взгляд на Иву. Та спокойно кивнула, совершенно хладнокровно наблюдая за рыданиями миссис Глейн.

– Ох, благодарю, со мной всё в порядке, но у меня ужасные нервы. Да, прошу вас, продолжайте.

– Так вот, на вечере у графа Бёрлингтона, – вдова вновь всхлипнула, но инспектор неумолимо продолжил, – вы имели возможность видеть мадмуазель Зулейку, гадательницу.

– Зулейку? Ах, да, я видела её. Я сидела неподалёку.

– В таком случае, может быть, вы слышали, что говорила эта дама?

– О, да, она всё время что-нибудь говорила, и весьма громко. Но теперь я не могу припомнить... Всё как-то сумбурно.

– И всё же постарайтесь, – дружелюбно попросил Суон.

Миссис Глейн несчастно всхлипнула, словно от неё требо-

вали чего-то невероятного, но радетельница за женские права поспешила прийти на помощь:

– Инспектор, вероятно, имеет в виду, что вы могли случайно запомнить – о чём говорила мадмуазель Зулейка?

– Ну, конечно! – тут же воспряла духом миссис Глейн. – Она говорила, что находит спиритические методы мисс Ивы совершенно ни с чем не соотносящими, и что, вероятно, та скрывает свои секреты, чтобы придать себе больше загадочности. В том смысле, что она не пользуется ни магическим шаром, ни картами, – тут мисс Райт издала что-то вроде короткого смешка, перешедшего в деликатный кашель. – Мадмуазель Зулейка говорила, что у неё самой весьма могущественная коллекция магических предметов, которые позволяют общаться с духами. Знаете, всякие там шары, зеркала, кристаллы, и даже чучело крокодила. А, этот крокодил... – сказала миссис Глейн, и тут же осеклась, – я... я не представляю себе, как можно держать в доме чучело крокодила, то есть я сошла бы с ума от страха, если бы мне пришлось...

– Вы совершенно правы, мадам! – отрезала мисс Райт, вновь приходя на помощь вдове. – Чучело крокодила – это уже никуда не годится!

– Думаю, после этого вечера вы сразу отправились домой и отдыхали до утра? – тщательно подбирая слова, спросил Суон.

– Да, да, так и есть. Я была потрясена, под огромным впечатлением, совершенно раздавлена, и очень дурно спала в ту

ночь. Просто удивительно, как на нас воздействуют подобные вещи...

– Дорогая, – вступила мисс Райт, – вы, надеюсь, попросили принести вам капли, или что-нибудь успокоительное, чтобы не мучиться всю ночь бессонницей?

– Ах, нет, я не стала никого звать, я просто лежала, думала... – миссис Глейн всхлипнула ещё пару раз, выражая таким образом благодарность за понимание, и кинула укоризненный взгляд на Суона, который, вероятно, даже не подозревал, какое впечатление может произвести спиритический сеанс на тонко чувствующую натуру.

Инспектор был настолько груб, что позволил себе, уже поднимаясь, задать вопрос просто чудовищный:

– Неужели сеанс мисс Ивы действительно произвёл на вас столь неизгладимое впечатление?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.